

Середина января.

Приют Святой Любви.

Директор, смущенный и растерянный, проводил гостя, который всем своим видом напоминал высокопоставленного якудзу: лицо — словно из высеченного гранита, глаза пылают тем непоколебимым волеизъявлением, которого у обычных людей никогда не бывает, а волосы по бокам сбриты наголо, обнажая бледную кожу головы.

Тем не менее мужчина представился преподавателем частного религиозного колледжа в Токио.

В приемной директор дрожащими руками налил чай и осторожно поинтересовался полным названием учебного заведения.

Яга Масамити откашлялся.

— Токийская столичная техническая школа магии.

Директор моргнул. Он никогда о ней не слышал.

— Я здесь насчет одного из ваших воспитанников, — произнес Яга, сдвигая по столу свое преподавательское удостоверение. — Я куратор первого курса, отвечающий за новый набор в этом году. Мы — небольшая частная школа на окраине Токио, держимся в тени. Принимаем только определенную возрастную группу, а отбор чрезвычайно строг. Я хотел бы узнать, как Асо Акия вел себя здесь.

Лицо директора озарилось узнаванием.

— Акия-кун? Он у нас такой один. Какая честь — его заметила религиозная школа!

В Японии религия пользовалась уважением; у монахов была стабильная карьера. Лишь сливки общества поступали в религиозные академии, а уровень трудоустройства там, как предполагалось, был превосходным.

— Он хороший мальчик. Никогда не доставляет хлопот. Попал к нам в начале прошлого года после того, как его родители... погибли. Вы всегда можете застать его за волонтерской уборкой.

Яга внимательно наблюдал за выражением лица директора.

— Он подал заявку по собственной инициативе. Частное обучение стоит недешево — по карману ли оно ему?

— Время от времени он получает мелкие травмы, часто ездит на лечение. Наверное, он узнал о вашей школе, пока был в Токио. Деньги не проблема — есть государственная компенсация после несчастного случая. Нынешние дети из Йокогамы все мечтают о большом городе. Я вижу, как сильно он любит бывать в Токио и Киото.

— Кто-нибудь из взрослых когда-нибудь приходил искать его?

Директор решительно покачал головой. Он бы никогда не встал на пути у мальчика.

— Он не хулиган. Добросердечный, очень самостоятельный.

Яга мысленно сверился с данными, которые он запросил из полицейских архивов.

Осиротел в результате инцидента с проклятым духом $\rightarrow$ пробудил проклятую энергию $\rightarrow$ каким-то образом узнал о мире магии по неизвестным каналам.

Стандартная схема.

Но две вещи все еще не давали ему покоя.

Первое: мальчик мгновенно узнал его голос и назвал «Яга-сэнсэй» еще до того, как тот представился. Информация о преподавателях строго конфиденциальна. Сделать это мог только тот, кто близко знаком с Токийской школой магии.

Второе, и куда худшее: «божественное дитя клана Годжо».

На первый взгляд это звучало нормально — Сатору Годжо был самым известным и загадочным гением во всем мире магии. Небольшое боготворение кумира вполне ожидаемо.

Но «божественное дитя»?

У Яги запульсировало в висках при одном лишь воспоминании об этом.

Сатору Годжо почти никогда не появлялся на публике. Слово «отчужденный» даже близко не описывало его. За пределами Трех Великих Семей почти никто никогда не видел его лица.

И тем не менее этот случайный сирота использовал то самое почтительное обращение, которое старейшины Годжо шептали, когда Яга в начале этого года посещал их поместье для

обсуждения поступления.

Он воочию видел, как весь клан относился к своему молодому господину как к живому богу — технически не являясь главой дома, он тем не менее обладал большими полномочиями, чем любой лидер клана в стране.

В совокупности со словами мальчика вывод напрашивался сам собой: клан Годжо буквально возвел Сатору Годжо в ранг божества.

— Пожалуйста, позови Асо... — Яга вовремя поправился. —...Позови Акия-куна.

Директор вышел.

Мгновение спустя дверь снова раздвинулась.

Вошедший мальчик был аккуратен, вежлив, с безупречной осанкой.

Черные волосы, утонченные черты лица, поношенный пуховик, сидящий так, будто его сшили на заказ.

Он поклонился с абсолютно правильной глубиной, а затем, не дожидаясь приглашения, повернулся к директору с мягкой улыбкой и произнес:

— Все в порядке, директор. Это личное дело. Не могли бы вы оставить нас на минуту?

Директор засомневался лишь на секунду, прежде чем кивнуть и закрыть за собой дверь.

Он инстинктивно понял: то, о чем пойдет речь, ни в коем случае не должно просочиться к обычным людям.

Страх перед проклятыми духами порождает еще больше проклятых духов.

Способ мира магии защищать покой заключался в том, чтобы общественность никогда не узнала о его существовании.

Оставшись наедине с Ягой Масамити — магом первого ранга, создателем проклятых трупов, сильнейшим и самым искренне заботливым учителем, о котором несовершеннолетний маг мог только мечтать, — сердце Асо Акии билось абсолютно ровно.

Это был самый могущественный человек, которого он встретит перед официальным вступлением в Токийскую школу магии.

И, что еще важнее, хороший учитель, который действительно появлялся на занятиях.

Если бы он родился учеником Сатору Годжо, то вполне мог бы задуматься, стоит ли вообще ходить в школу.

Метод преподавания Годжо работал для гениев.

Для всех остальных это было жестоко.

Но Яга Масамити?

Он научит тебя драться, выживать, покажет, как на самом деле устроен мир магии... терпеливо, самоотверженно, и он никогда не прогуливал уроки.

Асо Акия опустил глаза, пряча мелькнувшие там благоговение и трепет, и заговорил с безупречной вежливостью.

— Яга-сэнсэй. Благодарю, что проделали такой путь.

Яга Масамити следил за каждым микродвижением мальчика глазами, острыми как обнаженные клинки.

Собеседование официально началось.

Учитель не был похож на учителя; ученик же вел себя точь-в-точь как примерный школьник.

Больше всего Ягу раздражало это абсолютное, непоколебимое хладнокровие.

«Неужели мой фактор устрашения падает? — подумал Яга. — Дыхание паренька не изменилось ни на миллиметр».

Он холодно спросил:

— Ты знаешь, кто такой маг?

Асо Акия кивнул:

— Немного.

У Яги не было терпения на фальшивую скромность. Он вытащил из кармана розовую вязаную куклу, сжал ее круглую голову толстыми пальцами и позволил проклятой энергии хлынуть наружу. Невидимое давление покатилося от него волной, подобно грозовому фронту.

— Отвечай честно. Почему ты хочешь стать магом?

Крошечные ручки и ножки куклы задержались.

— Я...

Акия уже сосредоточил проклятую энергию в глазах, обострив свое динамическое зрение. Он отскочил в сторону в тот самый момент, когда кукла бросилась в атаку.

Он шагнул в сторону, открывая рот, чтобы продолжить.

За этим последовал свирепый порыв ветра.

Кукла закружилась в воздухе и снова атаковала под управлением своего хозяина.

Яга мгновенно раскусил мальчика: слишком рационален, почти оцепенел перед лицом жизни и смерти. Против такого типа у взрослых были свои методы. Не давая возможности говорить, он надавил сильнее.

— Твои родители погибли от рук проклятого духа. Разве тебе не страшно? Люди, пробудившиеся подобным образом, обычно проносят страх перед проклятиями через всю жизнь.

— Ува...!

Акия закинул обе руки за голову. Удар все же пришелся прямо в живот; к горлу подступила кислота. Кукла отпрыгнула назад с самодовольным видом, ее боевые инстинкты явно превосходили его собственные.

Стерпев боль, Акия выдавил из себя слова:

— Конечно, мне страшно!

Оценка Яги была мгновенной: ужасная физическая техника, низкий общий запас проклятой энергии, но скорость, с которой эта багровая проклятая энергия проявилась, поразительно высока.

Человек, рожденный с жесткими ограничениями, но одаренный превосходными рефлексами и мобилизацией проклятой энергии.

Яга вынес свой вердикт — тяжелый и искренний:

— Тот, кто боится проклятий, не может стать магом. Большинство пробуждает врожденную технику в возрасте от четырех до шести лет. Ты опоздал почти на десять лет и не обладаешь врожденной техникой. Разрыв в талантах непреодолим. Вместо того чтобы действовать под влиянием импульса и однажды погибнуть от проклятия, для тебя безопаснее вернуться в обычный мир, пока еще есть возможность.

Он искренне верил, что так будет лучше.

Но Акие доброта была не нужна.

Ради абсолютной безопасности какой мир мог сравниться с тем, откуда он пришел?

— Вы все не так поняли! — внезапно выкрикнул Акия.

Яга замер.

— Я пробудился в июле прошлого года!

— Двести двадцать три дня! — без колебаний продолжил Акия. — В день гибели моих родителей я мельком увидел того монстра. После этого — ничего. Двести двадцать три дня я жил в бесконечном ужасе! Я боялся умереть, боялся, что те очертания появятся снова, боялся, что меня проглотят целиком, так и не узнав когда!

Находясь в помещении, он был без пуховика. Асо Акия закатал трикотажные рукава до самых локтей и протянул оба запястья.

Бледные, тощие руки... были исчерчены множеством горизонтальных порезов.

Те, кто действительно хочет умереть, не режут запястья поперек; они режут вертикально вдоль артерии.

К черноволосому мальчику вернулось спокойствие — настолько безжалостное, что даже Яга Масамити, слышавший о подобной выдержке лишь от боевых оперативников, почувствовал холодок по спине.

— Я догадался об условии для их «видения». Чтобы имитировать околосмертельные состояния,

я перепробовал все: повешение, утопление, потерю крови, свободное падение, обезвоживание, голодовку... Чтобы погрузиться в еще большее отчаяние, я спустил каждую иену, оставленную родителями, поставил все на карту, приехав в Токио в поисках шанса. И все равно ничего не увидел. Поэтому я отчаялся еще сильнее.

Выражение лица Яги изменилось. Он приказал кукле прекратить атаку.

Он стал бы отговаривать обычного человека, но он никогда бы не стал отговаривать мальчика, который уже подготовил себя до такой степени.

Отбросив всю ненужную жалость, Яга задал холодным и профессиональным тоном вопрос, который имел право задать лишь маг первого ранга:

— Как в итоге у тебя получилось?

В глазах мальчика мелькнул лукавый огонек — словно ребенок позволил взрослым заглянуть в свой секретный штаб.

— Я понял, что все еще не сломался. Я недостаточно страдал.

— ...А?

— Я заплатил кому-то, чтобы меня избили до полусмерти. Вот и все. Я потерял сознание, а когда очнулся в больнице, то смог увидеть другой Токио.

В этом беззаботном рассказе сквозили радость, восторг и густая, почти смущающая жажда.

Яга был потрясен.

Это был первоклассный материал для мага — безумный в нужной степени, устойчивый к давлению.

Вернемся к главному вопросу.

— Зачем становиться магом?

Акия опустил запястья и мгновенно вернулся к образу тихого, вежливого юноши.

Яга знал, что теперь это лишь видимость.

Он ждал с искренним любопытством ответа, который действительно мог бы его удовлетворить.

Акия встретился с ним взглядом и сразу перешел к сути.

— Яга-сэнсэй, задавая этот вопрос, вы надеетесь услышать, что я открыл в себе что-то особенное или хочу отомстить за родителей, верно? К сожалению... нет. Это неправда.

Он слишком уважал Ягу, чтобы лгать.

И Яга не хотел просто приемлемого ответа — он хотел исключительного, такого, который достоин стоять в одном классе с тремя монстрами, поступающими в 2005 году.

— Когда я очнулся в больнице, я вспомнил монстра, убившего моих родителей. Тогда я еще не знал, что это проклятый дух. Я был в ужасе. Беспомощен. Осиротел за одну ночь. Полиция сказала мне, что это был взрыв бытового газа. Они солгали.

Акия улыбнулся прямо посреди этого воспоминания — чисто, освежающе, куда более сокрушительно, чем любая слезливая история.

— Мне надоел самообман обычных людей. Вместо того чтобы плыть по течению общества, я предпочту сделать наоборот — вырвать себя из посредственной жизни. Я так молод, а мир так глубок. В тот момент, когда он ждал, пока я открою глаза, я сам по себе решил... что, по крайней мере прямо сейчас, этот мир ждет, пока кто-нибудь хотя бы поаплодирует. Я хочу вступить в мир магии. Я хочу встретить магов, которые идут по грани между жизнью и смертью. Моя жизнь не имела ценности; моя душа была пустой и скучной. Проклятая энергия внезапно заставила меня почувствовать себя живым. Я твердо верю, что рожден, чтобы стать свидетелем смысла жизни — и я бегу навстречу миру магии именно ради этого. Вы выдающийся преподаватель. Пожалуйста, позвольте мне стать вашим учеником. Наставляйте меня. Если я сделаю что-то не так, ругайте меня так сурово, как потребуется.

Он поклонился — глубоко, искренне, непоколебимо.

Асо Акия не обращал внимания ни на розовую куклу, всё ещё угрожающе парившую у его плеча, ни на печально известный уровень смертности в Токийской школе магии.

Он просто шагнул вперед, взял чайник и налил свежую чашку человеку, сидевшему перед ним.

То, как он держал чайник, угол наклона запястья, медленные круговые движения, чтобы осадить листву, — во всем этом не было ничего японского. В этом скромно таилась неторопливая элегантность той древней соседней страны, ритуал, более древний, чем любая чайная церемония на этом острове.

Затем.

Глаза Яги Масамити расширились. Он замер в кресле.

Черноволосый мальчик опустился на оба колена на татами, поднял чашку двумя трепетными руками и преподнес ее.

— Сэнсэй. Выпейте чаю.

Для Яги Масамити — человека истинных достоинств — было достаточно одной фразы: «Этот ребенок того стоит».

За все годы преподавания Яга наставил бесчисленное количество учеников. Он искренне хотел изменить мир магии к лучшему. Он гордился каждым выпускником и тихо переживал в тот день, когда отправлял их сражаться.

Его ученики уважали его; они нервничали в его присутствии. Он считал это совершенно нормальным.

Он никогда не хвастался тем, насколько ценен его опыт. Если ученик хотел изучить техники первого ранга, он обучал их — проще простого.

Но сегодня впервые он ощутил, каково это — быть уважаемым из самой глубины ученического сердца.

Невероятно... от мальчика, с которым он только что познакомился.

«Умеет ли он читать мысли?» — подумал Яга.

Он уставился на упрямый стебелек чая, плавающий вертикально в чашке — предзнаменование удачи, — словно боясь принять ту связь, которую это подразумевало.

Наконец он взял чашку и сделал глоток.

Чай был ни хорошим, ни плохим.

Он просто согрел ему горло.

Яга заговорил низким и тяжелым голосом:

— Ты принят. Старайся изо всех сил стать настоящим магом.

Он поднялся. У двери он задержался и добавил, не оборачиваясь:

— Занятия начинаются первого апреля. Это школа-интернат. Поскольку у тебя нет опекуна, я заеду за тобой пораньше. Форму вышлют в следующем месяце. Изменяй ее как пожелаешь — скажи, если будут пожелания. Связывайся со мной в любое время.

Его голос упал еще ниже, почти неохотно:

— Никогда не предавай собственное сердце.

Затем он исчез, шаги его были поспешными, словно он бежал от затяжной силы той единственной чашки чая.

Асо Акия встал, смахнул пыль с колен и тихо выдохнул.

— А я думал, мне будет более неловко, — пробормотал он, высовывая язык, а его глаза сморщились от слабого веселья.

В прошлой жизни, когда он смотрел первый сезон «Магической Битвы», он ничего не чувствовал ни к одному персонажу. Он критиковал безжалостно.

Он считал арку возрождения Сукуны просто тюремным заключением в замедленной съемке.

Он отказывался называть Годжо «сильнейшим».

Ученики Годжо казались ему невыносимо наивными.

В тот момент, когда он увидел, как они называют своего учителя идиотом прямо в лицо и при этом считают себя правыми, он смеялся до слез.

Один-единственный проклятый инструмент особого ранга — сколько он стоил?

Сатору Годжо мог раздавать их как конфеты.

А отношение учеников? На поверхности едва ли вежливое.

И это они называли «хранить уважение в сердце»?

Глупый учитель.

Избалованные сопляки.

Он действительно не мог на это смотреть.

Он действительно больше не мог на это смотреть.

Лишь годы спустя, когда он наконец сел за просмотр фильма «Магическая Битва 0» и второго сезона, он понял, что Сатору Годжо вовсе не клоун, которого он некогда со счетов сбросил.

Он был теплым на поверхности, но ледяным в глубине души.

Старшеклассник Годжо ворвался на экран словно откровение: многогранный, ослепительный, с предысторией, прописанной настолько идеально, что он встал плечом к плечу с величайшими персонажами во всем аниме.

И тем не менее двадцативосьмилетний Годжо жил измотанным, вечно перерабатывая, словно сам титул «сильнейшего» был проклятием.

Во всей серии только Юджи Итадори и Юта Оккоцу относились к своему учителю подобающе.

Они помнили, что Годжо нес на своих плечах ради них.

Они никогда не отзывались о нем плохо за глаза.

Когда ему требовалась поддержка, они действовали, обнимали, хвалили — словно учитель и ученики, согревающие друг друга в бесконечной стуже.

Во время Сибуйского инцидента, когда Годжо был запечатан в Тюремных Вратах, а директор Яга Масамити был приговорен высшими чинами к смертной казни, они выставили Ягу человеком, у которого нет ни единого друга в мире, а не магом первого ранга, чьи ученики наполняли мир магии, словно цветущие персиковые и сливные деревья в полном расцвете.

Скольких жизней коснулись эти двое.

Каплю доброты следует возвращать целым фонтаном.

Неужели все те выпускники были бесполезны?

Если бы это был он...

— Если бы это был я... — В голосе Асо Акии исчезли все следы мягкости. — Я бы бил их по лицам, пока те не опухли.

Он аккуратно привел в порядок приемную: стер отпечатки пальцев Яги, наложил свой собственный слабый запах проклятой энергии, вымыл чайную чашку изнутри и снаружи, пока не исчезло ни единого следа.

Прилежный ученик.

Начинай прямо сейчас.

Никогда не жди, пока кто-то начнет умирать, чтобы поместить его в свой посмертный монтаж.

Это просто жалко.

Он вышел наружу, глубоко вздохнул и одним мощным всплеском проклятой энергии изгнал всех низкоуровневых духов, обитавших в детском доме.

Воздух моментально стал свежим и чистым.

Яга Масамити, еще не успевший отойти далеко по дороге, оглянулся.

Он почувствовал, как целая зона мелких проклятий исчезла в мгновение ока.

Он больше не относился к Асо Акии как к ребенку.

Он признал пугающую ясность этого разума.

[Он никогда не изгонял их раньше — неужели скрывал свою силу? В тот момент, когда я ухожу, он вычищает это место... Неужели он думает, что после того, как его официально примут в Колледж Магии, пользователи проклятий не посмеют его тронуть?]

[Какой же до нелепости неуверенный в себе сорванец.]

[Ученик, рожденный преследовать мир магии — осторожный, но бесстрашный. Он станет отличной опорой для своих одноклассников.]

Этот год...

Этот год обещал быть совершенно особенным.

<http://bllate.org/book/19436/1985419>